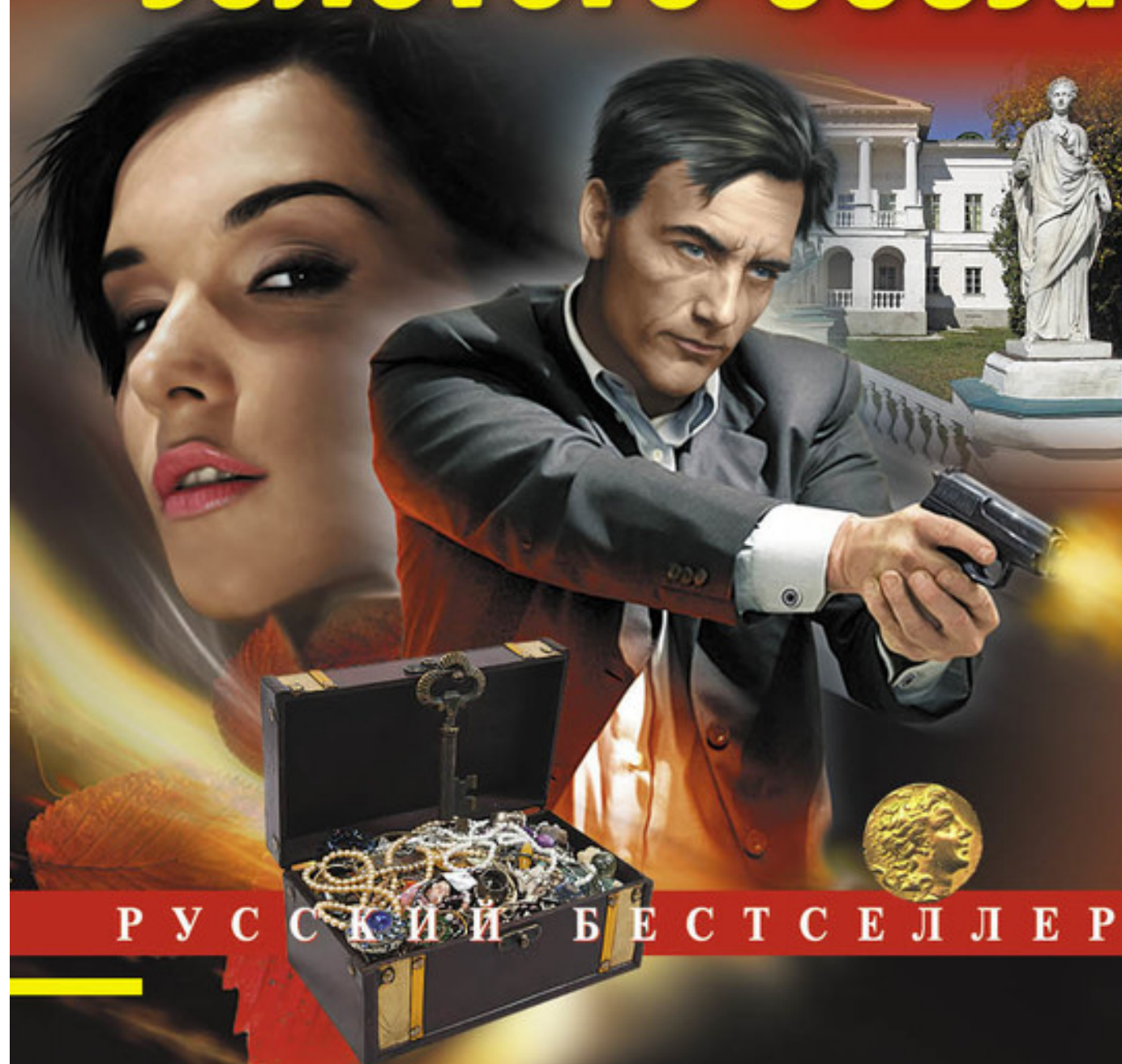

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Тайна Золотого Обоза

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Тайна золотого обоза

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Тайна золотого обоза / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-89256-3

Полковники МУРа Гуров и Крячко расследуют дело о гибели хозяина сети ювелирных магазинов Аркадия Мартыняхина. В результате проверок, проведенных в магазинах, выявлено большое количество неучтенных золотых украшений и драгоценных камней. Часть драгоценностей – из семейногоклада графа Замолотского, жившего в начале прошлого века и оставившего после себя множество невероятных легенд. Гуров уверен, что здесь не обошлось без «черных копателей». Следователи отправляются в старинную усадьбу графа, даже не предполагая, какие сюрпризы ожидают их в этом таинственном месте.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89256-3

© Леонов Н. И., 2016
© ЭКСМО, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Тайна золотого обоза

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Ранним утром старший оперуполномоченный Главка угрозыска полковник Лев Гуров вошел в свой рабочий кабинет и прямо с порога услышал звонок городского телефона, стоящего на его столе. По пути открыв форточку, чтобы проветрить застоявшуюся за ночь атмосферу служебного помещения, принадлежащего им со Станиславом Крячко – тоже оперуполномоченным Главка и тоже в звании полковника, Гуров подошел к столу и поднял трубку. Обронив нейтральное «Да?», он услышал хорошо знакомый хрипловатый, чуть дребезжащий голос своего давнего информатора, отставного вора Константина Бородинки по кличке Амбар.

– Дык, это, с добрым утречком вас, Левваныч! – с оттенком грубоватой любезности человека, хоть и подчиненного, но знающего себе цену, поприветствовал тот. – Я че вас побеспокоить-то надумал? Тут такое дело, думается мне, заковыристое. Вчера у меня в гостях были домушник Кастет и фармазон Твист. Он месяц как откинулся с зоны и все никак не нашикуется своими паханскими наколками – его какие-то пиковые в законники произвели. Вот, значит, они и надумали перекинуться в картишки...

Как далее поведал Амбар, резались его гости и в двадцать одно, и в железку, и в буру. Сначала – ни на что. Потом надумали сыграть по мелочишке: ставка – рубль. Но, постепенно разойдясь, парни ставки начали повышать. Играли с успехом переменным. То Кастет срывал ставку за ставкой, то Твист вырывался вперед. Однако когда ставки взлетели «выше крыши», опытный картежник Твист, прошедший в ходе трех отсидок настоящую шулерски-воровскую «академию», единым махом сорвал банк.

Казалось бы, игра на этом должна была бы завершиться. Но вошедший в азарт Кастет неожиданно для всех достал из кармана и бросил на стол чайную ложечку, судя по оттенку и звону металла, сработанную из чистого золота. И как сработанную!

– ...Левваныч, такой хреновины я сроду не видывал! – истово заверил Бородинка. – Прямо как из царского дворца. Чтоб я сдох! Ох, и красивая! Рыжье-то, по-моему, червонное. Все мужики охренели. Сразу к Кастету: колись, где взял! А он только гыгыкает: вроде того, где взял – там уж нет!

У самого Твиста при виде такой роскошной диковины сразу же отвисла челюсть, а глаза стали как две пятирублевки. Но он быстро собрался и с ходу выиграл драгоценность у лошары Кастета. Донельзя расстроившийся домушник, осушив стакан первача без закуски, быстро куда-то исчез. Впрочем, очень быстро «свалил» и Твист, как видно, впечатлившись алчными, завистливыми взглядами некоторых своих коллег по криминальному ремеслу.

– ...Я так смекаю, Левваныч, – завершая свое повествование, добавил Бородинка, – где-то какой-то музей пощипал Кастет. В наших ювелирках такое не сыскать!..

Высоко оценив полученную информацию и пообещав, что «за ним не заржавеет», Лев положил трубку. В этот момент, напевая нечто лирически-эпическое, на пороге появился Станислав Крячко, его старый друг и приятель. Просияв своей неизменной улыбкой «на все тридцать два», он указал вопросительным взглядом на телефон и хитро подмигнул.

– Мария очередное ЦУ давала? – бодро и в то же время с некоторой зевотцой поинтересовался он, намекая на вчерашний звонок спутницы жизни Гурова Марии Строевой – ведущей актрисы самого знаменитого столичного театра.

Той и в самом деле с чего-то вдруг приспичило позвонить Льву в довольно-таки неподходящий момент, чтобы выдать ему «ценное указание» – поздравить с юбилеем дальних родственников в Липецке. Произошло это на планерке у их начальника и общего приятеля генерал-лейтенанта Орлова. И хотя Гуров, ощутив в кармане дребезжание вибровывоза, сразу же сориентировался и, шепнув жене, что в данную минуту крайне занят, немедленно отключил

телефон, в его сторону из начальственных очей исторглись две молнии недовольства выше среднего вольтажа.

– Нет, не Мария, – мгновенно уловив оттенок подначки в словах приятеля, невозмутимо известил Лев, опускаясь на свой стул. – Звонил некто Бородкин по прозвищу Амбар.

Он в общих чертах рассказал об услышанном. Впрочем, на его собеседника эта информация особенного впечатления не произвела. Неопределенно пожав плечами, Крячко скучающе поморщился.

– Ну, раз он домушник, то, скорее всего, распотрошил чью-нибудь частную коллекцию, – резюмировал тот. – Надо просмотреть сводки за прошедшую неделю – скорее всего, где-нибудь да вынырнет.

– Это если коллекция «белая», – несогласно качнув головой, возразил Гуров. – А если «черная», то заявление могут и не подать.

– Могут и не подать... – все так же скучающе согласился Станислав, садясь на свое место и включая компьютер. – Но мне в любом случае эта «кража века» до фонаря, поскольку минимум до сегодняшнего вечера буду возиться с кончиной Торканова.

– Ну и чего ты там накопал? – спросил Лев, просматривая на экране монитора городские и областные сводки по квартирным кражам за последнюю неделю.

– Да сам он виноват! – категоричным тоном пояснил Крячко, энергично мотнув рукой.

Дня три назад в результате падения с большой высоты одноместного легкомоторного самолета разбился насмерть пилотировавший его владелец компании пассажирских авиаперевозок «УМ» («Успешный маршрут») Иннокентий Торканов. Наверное, его пикирующий «Аэромустанг» еще не долетел до земли, а либеральные СМИ уже слаженно и слитно заговорили о том, что это якобы «происки близких к власти рейдеров», вознамерившихся захватить «УМ», которые таким зверским способом расправились с его владельцем. Но Станислав, одним из главных достоинств которого была «бульдозерная» настырность, перенастырить которую едва ли кому было дано, игнорируя дезинформационную свистопляску, всего за три дня смог выяснить все обстоятельства дела и установить истинные причины авиационного происшествия.

Как оказалось, отправляясь в полет, Торканов пребывал во взвинченном состоянии из-за ссоры со своей любовницей (ох уж эти бабы-женщины, не сосчитать, сколько за историю человечества мужчин они погубили и сколько еще погубят?!). Той надоело ждать уже давно обещанного Иннокентием развода с его законной (третьей по счету!) женой, дабы могли соединиться «любящие сердца». И вот девица, в целях ускорения этого процесса, объявила своему «чичероне» о том, что уходит от него к другому. Пусть и не столь богатому, зато не обремененному семьей и готовому – хоть сегодня! – на ней жениться. Впавший в крайнюю нервозность авиамагнат решил снять бытовой стресс, пережив стресс экстрима. Он отправился в полет на своем самолетике, на котором уже не раз отрабатывал высший пилотаж над персональным аэродромом.

Трудно сказать, кто это ему посоветовал (или он до подобной глупости додумался сам), но перед самым вылетом Торканов употребил лошадиную дозу успокоительных таблеток. Поэтому, вполне удачно выписав несколько фигур высшего пилотажа – «горку», «бочку», «горизонтальный нож» и другие, – он надумал выполнить «мертвую петлю» Нестерова. Однако в силу тормозящего действия принятых пилюль, снизивших его реакцию, в какой-то миг он потерял власть над самолетом и, сорвавшись в последнюю фигуру под названием «штопор», в течение считанных секунд врезался в аэродром. Исходя из этого, Станислав сделал закономерный вывод о том, что данное происшествие следует квалифицировать как несчастный случай и уже начатое было уголовное производство можно прекратить.

– Молодец! Хорошо поработал, – Гуров одобрительно кивнул. – Интересно, как тебе удалось выйти на любовницу Торканова? Он же вроде слыл примерным семьянином. Во всяком случае, старательно создавал такую видимость.

– Слыл да сплыл! – Крячко язвительно ухмыльнулся. – Секретарша его «раскололась». Она знала, с кем, где и когда встречается ее босс. Как я понял, ей самой хотелось бы вписаться в эту роль, но он ее категорически игнорировал – надо же было корчить из себя честняка-семьянина! Чем, кстати, ее очень огорчил и даже уязвил. Хотя... Деваха, я скажу тебе, классная! – Мечтательно зажмурившись, он крякнул и даже причмокнул.

– Понимаю, понимаю! – Лев саркастично усмехнулся. – Догадываюсь, как именно ты ее «расколол». Сценарий обычный? Ну, там, кафе или ресторан, комплименты, вино, и... И – так далее. Угадал?

– Гм... – Стас конфузливо наморщил нос. – Вот чертяка дотошный! Не совсем угадал, но почти. Видишь ли, «и так далее» – ладно уж, врать не буду! – место быть имело. Но не с ней, а с любовницей Торканова.

– Что, что, что-о-о?! – недоуменно помотав головой, Гуров прищурился, испытующе глядя на приятеля. – С горемычной, безутешной «вдовой-заочницей»? Да-а-а... Поневоле согласишься с классиком: «О, женщины! Вам имя – вероломство!..»

– Вообще-то, – Крячко со значением вскинул вверх указательный палец, – когда я ее разыскал, она и в самом деле была и горемычной, и безутешной. Оказывается, Торканов погиб у нее прямо на глазах. Она два дня пребывала в шоковом состоянии, даже есть ничего не могла. Когда я понял, что разговорить ее не получится, то тогда – да! – убедил сходить в ближайший ресторанчик: есть там такое симпатичное, цивильное заведение. Ну, «навешал» ей «лапши», типа, надо быть на людях, а то, не ровен час, и умом повредиться недолго...

Как далее поведал Стас, самое трудное было уговорить девушку сделать первый глоток вина. Ну а потом «все пошло как по маслу». Он ее пригласил на танец, потом они выпили еще раз, и еще... В какой-то момент, во время танца, она вдруг шепнула ему на ухо:

– А может, поедem ко мне?..

...Завершая эту тему, Крячко отметил:

– Вот, после того как у нее дома случилось это самое «и так далее», она окончательно пришла в себя и рассказала все, как было. Даже нашла у себя в сумочке упаковку из-под таблеток. Получилось-то как? Когда он врезался в землю, она от такого шока впала в ступор и чисто механически подобрала предмет, которого касалась рука ее, так сказать, любимого мужчины. В тот момент она не могла ни плакать, ни кричать... Просто тупо смотрела на то, как вокруг горящих останков самолетика суетятся пожарные и спасатели. Вот и вся тайна гибели магната Торканова. Как говорится: а ларчик просто открывался. Вас, сэ-э-эр, такой ответ удовлетворил?

– Безусловно! – Лев изобразил благосклонный кивок. – В этом смысле – мой полнейший «одобрямс», правда, за вычетом некоторых несущественных деталей. Ну, ты догадываешься, о чем идет речь.

– Догадываюсь, догадываюсь... – Станислав повторил рукой жест Леонида Ильича, приветствующего первомайскую демонстрацию. – Слушай, я вот о чем сейчас подумал... Ну, насчет звонка Амбара. Вообще-то, если разобраться, то золотая ложка на кону у картежников в воровском притоне – это, конечно, круто. Но тут возникает такой вопрос... Если тот лошара так легко с ней расстался, то почему бы не предположить, что она у него не одна?

– Вот и я о том же... – Гуров негромко рассмеялся. – Уверен, что за этим что-то кроется, и очень серьезное.

Задумчиво хмыкнув, Стас спросил, указав взглядом на его компьютер:

– А ты сейчас, я так понял, смотришь сводки по кражам?

– Да... Вдруг что-нибудь дельное по этому случаю вынырнет? – Лев неопределенно двинул плечами. – Но это так, на всякий случай. Сейчас думаю Жаворонкова загрузить – у него это лучше получается. Хакер, он и есть хакер. Пусть проработает и кражи, и грабежи, и разбои, связанные с хищениями изделий из драгметаллов. Кстати... А ведь нам с тобой сейчас по времени пора бы уже к Петрухе на утреннее «рандеву». Что-то он, блин, не звонит... Не прихворнул ли?

В этот же самый момент, как бы откликаясь на его последние слова, внезапно запиликал телефон внутренней связи. Вскинув большой палец, Стас рассмеялся.

– Класс! Вот и не верь в телепатию... – прокомментировал он.

Это и в самом деле был Орлов. Спросив, на месте ли Крячко, генерал тоном боцмана, орущего «Свистать всех наверх!», распорядился:

– Давайте-ка оба ко мне!..

– Ты, я так понял, рассчитывал на выходные? – Положив трубку, Лев изучающе взглянул на приятеля. – Забудь! Ой, чую, собирается Петруха втюхать нам какого-нибудь крутяцкого «глухаря». Нет, нет, я не шучу! Ревел, ешкин кот, как мастодонт, которому прищемили... Гм... Хобот.

Судя по выражению лица Станислава, тот был ощутимо раздосадован услышанным.

– О, блин! – выдохнул он, поднимаясь из-за стола. – Неужто и в самом деле «глухаря» навялит? Сроду у нашего Петрухи «сюрпризы» – один другого круче! Ладно, пошли уж...

Проходя через приемную, они поздоровались с секретаршей генерала Верочкой. Указав взглядом на дверь кабинета своего босса, она изобразила утрированно-суровую гримасу, давая понять, что Орлов сегодня с утра «не в духах».

Тот и в самом деле выглядел ненамного веселее погорельца, которому объявили о том, что к нему в гости с минуты на минуту в довершение всех «везений» и «удач» приезжает еще и его «любимая» теща. Угрюмо ответив на приветствие приятелей, он поморщился как от зубной боли. Опустившись в кресла, опера молча переглянулись – что-то и в самом деле Петруху «торкнуло» не на шутку.

– Что там у тебя стряслось-то? – выдержав паузу, негромко спросил Гуров. – Надеюсь, с семьей все в порядке?

– Да дачу у меня обокрали какие-то уроды! – сердито выдохнул Орлов. – Под утро охрана позвонила, дескать, мы и сами не знаем, как такое могло произойти. Бездельники чертовы! Самое интересное, они не знают, когда именно это случилось – вчера, позавчера или, может быть, даже еще раньше.

Изобразив сочувственную мину, Стас убежденно объявил:

– Ничего! Мы с Левой эту шушеру быстро разыщем! Как думаешь? – Он вопросительно мотнул головой в сторону Льва.

– Не вопрос! – уверенно подтвердил тот.

Однако Петра их оптимизм почему-то не обрадовал. Генерал лишь саркастично усмехнулся и сокрушенно покачал головой.

– Нет, нет, мужики, этот вариант отпадает... – обронил он с грустью в голосе. – Кого-нибудь из стажеров пошлю. А вам... Вам, други мои, персональная работа. Дело-то тут вот какое. Сегодня утром в коттеджном поселке Миллениум, в своем загородном доме, без признаков жизни был найден Аркадий Мартыняхин – хозяин сети ювелирных и антикварных магазинов «Золотой дублон». Мне из министерства только что позвонили, дали на этот счет персональное распоряжение.

– А что это они так резко разволновались? – с сомнением в голосе поинтересовался Крячко. – «Без признаков жизни» – это еще не значит, что он обязательно кем-то убит. Ему сколько было?

– Пятьдесят два... – с задумчивостью в голосе ответил Петр. – А то, что в министерстве так «разволновались», – дело объяснимое. Этот Мартыняхин в коммерческих и финансовых кругах, в том числе и зарубежных, личность известная. Он член каких-то там советов, комитетов, лиг и ассоциаций. Думаю, уже сегодня мировые СМИ начнут причитать на все лады «о причастности российских властей к кончине видного представителя либеральной оппозиции». Ч-черт! Тут еще с Торкановым не расхлебались, а уже новый «сюрприз». Надеюсь, Стас хотя бы сегодня завтра с ним разберется, и...

– Уже! – бесцеремонно перебивая друга-начальника, откликнулся Крячко. – Есть стопроцентно надежный свидетель, который подтвердил, что смерть Торканова – несчастный случай из-за злоупотребления транквилизаторами. Сегодня к обеду отправлю бумаги в прокуратуру.

– Ух ты-ы! – В момент воспрянувший духом, Орлов наконец-то озарился улыбкой. – Молодец, Стас! Слушай, а почему именно к обеду? Чего там расписывать-то семь верст до небес? В течение часа – кратенько, лаконично, без лишней «воды» – черкнул и сдал. И сразу же вместе слевой, не откладывая на потом, взялся за Мартыняхина. А? Как на это смотришь?

Скривившись, как от лимона, Станислав досадливо отмахнулся.

– Петро! А как же обещанные выходные? Ну, хотя бы сутки дал! – Он размашисто хлопнул себя ладонями по коленкам.

Вновь поскучевший Петр потер подбородок и поинтересовался с упреком в голосе:

– Стас! А ты меня спроси, когда я последний раз брал выходные. А? Спроси! И я не отвечу, потому что не помню. Лев, что молчишь-то! Ты тоже давай заведи речь про выходные, премии, чины и награды. Ну, чтобы я был совсем «счастливым». Ну, что скажешь?

Как бы вернувшись к реальности из своих далеко убежавших мыслей, Гуров недоуменно переспросил:

– Чего-чего там тебе не хватает для полного счастья?

– Эх, Лева, Лева! – В голосе Орлова звучал безмерный укор. – Я всегда почему-то думал, что у нас один только Стас «спит в оглоблях». А тут, я гляжу, и ты витаешь где-то в облаках. Вот о чем ты сейчас мечтал?

Сдержанно улыбнувшись, Лев невозмутимо пояснил:

– Ну, например, о том, откуда домушник Кастет мог взять необычную, редкой ювелирной работы золотую чайную ложечку, которую в притоне Амбара он проиграл в карты фармазону Твисту.

Несколько ошарашенный услышанным, Петр, хлопая глазами, несколько мгновений молча смотрел в его сторону.

– А подробнее можно? Откуда такая информация? – подозрительно прищурился он. – Амбар, что ль, позвонил?

Выслушав рассказ Гурова с выражением напряженной задумчивости, Орлов некоторое время молчал, после чего развел руками.

– Понимаю, что случай весьма занятный и расследовать его стоило бы, но... Но у нас на сегодня вопрос номер один – выяснение причин смерти торгового магната Мартыняхина. И этим займетесь вы. А провести проверку информации, переданной Бородкиным, я поручу... Ммм... Нашему новому стажеру – капитану Сильченко.

– А он Амбара не подставит? – В голосе Льва сквозили нотки недоверчивости.

Петр на это упреждающе махнул рукой.

– Сейчас пришлю его к вам, ты сам на него глянешь и решишь – доверять ему такое дело или нет. Твое решение будет окончательным. Устраивает?

– Вполне, – кивнул Гуров. – Ладно, беремся. Посмотрим, что там с этим бедолагой-магнатом Мартыняхиным стряслось. Ну, что, Стас, идем к себе?

– Да уж, пошли уж!.. – засопев носом, горемычно откликнулся тот.

По пути в свой кабинет Лев завернул к информационщикам. Капитан Жаворонков сидел у компьютера, бегая пальцами по клавиатуре. Судя по всему, он выполнял чье-то срочное задание. Выяснив, что примерно через час тот будет свободен, Гуров поручил ему набрать максимум информации об Аркадии Мартыняхине и его «Золотом дублоне». Кроме того, в порядке внеплановой работы попросил найти в сводках о грабежах и кражах такой объект хищения, как редкостной ювелирной работы золотая чайная ложечка.

Когда Лев вошел к себе, Стас в этот момент с кем-то общался по городскому телефону: – ...Да, Лерочка, да! Буду обязательно! – интригуяще приглушив голос, с нотками иронии пообещал он своей собеседнице.

Увидев Гурова, Станислав скороговоркой попрощался и торопливо положил трубку. Глядя на приятеля, Лев не мог не рассмеяться – глаза Стаса маслились, как у кота, принюхивающегося к большому-большому куску сала.

– Лерочка – это та самая, «безутешная»? – спросил Лев внешне вроде бы нейтрально, но с заметной долей иронии.

– Ну, предположим... – Крячко с независимым видом пожал плечами. – И что из этого?

– Да ничего особенного... – все так же нейтрально произнес Гуров, садясь за свой стол. – Если не считать ма-а-а-ленького пустячка: на работе надо думать о работе.

– Х-ха! – язвительно парировал Стас, сопроводив это междометие пренебрежительным взмахом руки. – А то я о ней не думаю... Уже и во сне ее вижу, японский городской!

Включая компьютер, Лев отметил с нарочитой многозначительностью:

– Ну, если уснуть в рабочем кабинете, как это иногда случается с одним из моих друзей, то что еще, кроме работы, может присниться?..

– Лева, хватит язвить! Не так уж часто я тут и дрыхну. Ты мне лучше вот что скажи. С какого боку думаешь подбираться к нашей сегодняшней теме?

– О, это трудный вопрос... – Лев сокрушенно покачал головой. – Мне этот случай чем-то напоминает наше недавнее расследование по антиквару Зубильскому. Тот ведь тоже, если помнишь, представился при не вполне понятных обстоятельствах. Вот и здесь что-то похожее – ничего вразумительного, одни намеки и многоточия. Ладно, поедem в Миллениум, на месте определимся.

В этот момент к ним кто-то осторожно постучался, и в кабинет вошел рослый капитан лет тридцати. Поздоровавшись, гость представился:

– Капитан Сильченко, звать Борисом, прибыл на стажировку из Самары. Стаж в угрозыске – три года. Мне сказали, что я должен получить у вас инструктаж по порученному мне расследованию.

Предложив капитану сесть на свободный стул, Гуров поинтересовался, что тот сам думает о предстоящей работе.

– ...В моей практике что-то похожее уже было, – пояснил Сильченко, вкратце изложив свою точку зрения по поводу предстоящего расследования. – Ломиться напрямую здесь, конечно, нельзя ни в коем случае – есть риск «засветить» ценного информатора. Поэтому я думаю начать с того, что изучу «послужной список» и Кастета, и Твиста, а также сводки о кражах за последние дни. Исходя из этого, надо будет придумать маневр прикрытия, позволяющий и их обоих задержать на законных основаниях, и избежать подозрений в адрес информатора. Думаю для этого задействовать участковых по их месту жительства. Повод? Ну, предположительно – жалоба соседей или там нападение на них самих каких-нибудь «отмороженных гопников»...

Выслушав капитана, Лев одобрительно улыбнулся. Этот опер свое дело знал неплохо да и соображалкой обделен не был.

– Хорошо, Борис, приступай! – в заключение резюмировал он. – Будем на связи.

... Час спустя Крячко наконец-то покончил со всеми положенными бумажными процедурами по мелкомасштабной авиакатастрофе с участием авиамагната Торканова. Гуров к этому моменту успел «перелопатить» уйму интернет-материалов, разыскивая информацию по «Золотому дублону» и Аркадию Мартыняхину (что его удивило – «накопать» удалось не так уж и много). В нескольких словах, окончательно определившись с планами на предстоящий день, приятели почти сразу же отправились в Миллениум. Для поездки взяли служебную «Волгу». Уже не раз возивший их сержант Володька, с особым шоферским шиком и азартом руля по столичным улицам, вполголоса комментировал дорожную обстановку:

– ...Ну, что за водилы пошли? Из какого дурдома сбежали?! Ну, вот этот баран – куда, куда он лезет? – Резко ударив по тормозам, Володька быстро ушел вправо, уворачиваясь от белой «Ауди», которая едва не притерлась к ним с правого бока. – Затупок безголовый! Правила движения сначала выучи, а уже потом на дорогу лезь! – крикнул он в окно хозяину «немки» – мордастому брюнету в рубашке пышного, женственного фасона.

Тот, недовольно скривив рот, сделал вид, будто ничего не услышал.

– Да, какой-то напряженный день... – согласился Станислав, покосившись в сторону брюнета. – Мне тоже, пока ехал на работу, от двоих раздолбаев пришлось уворачиваться. Может, сегодня с утра какая-нибудь магнитная буря разгулялась? Кстати, Лев Иванович, поделился бы информацией по Мартыняхину. Что там на просторах Интернета народ гутарит?

Гуров в ответ поморщился и развел руками.

– Информации о нем мизер. В основном сообщения пары информагентств о его кончине. Как уверяют СМИ, чего-то такого, что говорило бы о его близящейся кончине, не замечали даже родственники. Кстати! Обрати внимание на их оперативность: мужик только умер, а в Интернете уже появилось сообщение!

– Ну, это их хлеб! – со знающим видом констатировал Крячко. – Это и все, что они сообщили?

– Нет, почему же? Днем он провел большое производственное совещание. В Миллениум прибыл ближе к вечеру, причем в наилучшем расположении духа. Правда, часу в девятом у него вдруг очень крепко прихватило сердце. Жена даже собиралась вызвать врача. Но ему полегчало, и он дал медицине отбой. А утром в седьмом часу жена забеспокоилась – что это он так долго спит? Подошла, а он уже начал коченеть... Ну, вызвала сотрудников местного райотдела, «Скорую»...

Громко фыркнув, Станислав возмущенно покрутил головой.

– Ну и какого черта гнать нас в этот хренов Миллениум? Судя по всему, Мартыняхин «дал дуба» по причине хлипкого состояния своего сердца. Только и всего лишь!

– Между прочим, антиквар Зубильский умер тоже по причине острой сердечной недостаточности, – усмехнулся Лев, взглянув на приятеля. – И кто-то из нас двоих, если память не изменяет, упирался, что эта смерть – исключительно естественного порядка. Не припомнишь?

– Да, припоминаю, припоминаю... – Крячко изобразил энергичный жест рукой, каковой мог означать: «будь спок – до склероза мне еще далековато!» – Ну, понятное дело, тут в любой ситуации смело можно допустить, что всякий новопреставившийся – жертва чьего-то злого умысла. Но вот знаешь, что меня всегда раздражает? Эта егозливая, подобострастная суета, кстати, в том числе и кое-кого из нашего ведомства – ты догадываешься, о ком это я, вокруг кончины очередного толстосума.

– Да, догадываюсь... – усмехнулся Гуров, с ходу угадав намек в адрес Орлова.

– Иной раз появляется такое ощущение, будто нет в целом мире важнее задачи, чем уход в мир иной очередного магната! А потому мы обязаны бросать все сущее и, задирая штаны, спешить на полусогнутых, чтобы выказать ему свое почтение... Это вот обязательно сегодня надо было поднять по тревоге нас обоих, как будто других дел нет и быть не может? А-а-а! Дурдом полнейший...

Дослушав его спич с ироничной улыбкой, Лев ничего на это не ответил и лишь неопределенно пожал плечами. Глядя в окно, он смотрел, как их авто по виадуку перемахивает через вечно оживленный МКАД, как урбанистические пейзажи столицы постепенно сменяются ландшафтами Подмосковья. Сержант Володька, наконец-то пришедший в нормальное душевное равновесие («ишаки», «раздолбаи», «козлы», «бараны» и прочие нарушители дорожного движения остались где-то позади), неожиданно сообщил:

– Я про этот Миллениум уже не раз слышал много всякого и разного. Мой дядька по матери – его зовут Василий Васильич – строил этот поселок. Он каменщик, как говорится, «от бога». Сейчас мужик уже на пенсии, но покоя ему нет и поныне. Без конца прут заказчики, чтобы именно он выкладывал им фасады домов, там, ограждения. Вот... Он мне и рассказывал, как Миллениум строили и кто там поселился.

– Ну и как же его строили? – с ходу заинтересовался Станислав.

С выражением насмешливого ухарства Володька рассказал о том, что изначально этот поселок должны были строить рядом с селом Трубное. Почему оно зовется Трубное? Да потому, что там с давних пор пошла мода на зависть всей округе выводить над крышей печные дымоходы особым, фасонистым образом. Кто-то выкладывал трубу необычной, фигурной кладкой, кто-то обрамлял ее затейливым коробом из цинкованного железа, например, в форме корабля или паровоза, а кто-то водружал над ней немыслимо замысловатый флюгер или целую скульптурную композицию.

Казалось бы, и места там красивые, и территория экологически чистая, однако главному заказчику не понравилось в первую очередь то, что с «блаародными господами» будут соседствовать «заурядные простолюдины». И кому какое дело, что большая часть этих «господ» возвысилась исключительно за счет собственной низости? Кто-то нажил свое состояние рэкетом, кто-то – мошенническими аферами, кто-то – хапая взятки или запуская руку в государственный карман... Главное – сейчас они ворочали колоссальными деньгами, а потому были выше и закона, и морали.

Исходя из этого, Миллениум построили на холме у речки Вишневки, равноудаленным от ближайших сел. Разумеется, это не могло не отразиться на цене земельных участков и квадратных метров будущего жилья. К новостройке пришлось тянуть асфальт, линию электропередачи, газопровод... Но что значила пара лишних миллионов для тех, кто ворочал порой миллиардами?

Даже водопровод к новостройке пришлось вести почти от самого Трубного. Это село тоже стоит на берегу Вишневки. Но в его округе водоносные пласты содержат воду невероятно вкусную, по сути родниковую, а вот под Миллениумом вода почему-то имеет какой-то неприятный, затхлый привкус. Ее надумали было использовать хотя бы для технических целей, например полива зеленых насаждений, клумб и газонов, однако она и для этого не сгодилась. Политые ею деревья отчего-то начинали усыхать, цветы и трава вянуть, хотя самый придиричивый химанализ не нашел в ней чего-то вредного.

– Прямо как в сказке про живую и мертвую воду! – слушая сержанта, отметил Станислав.

– Между прочим, Василий Васильич того же мнения, – Володька многозначительно взглянул в его сторону. – Там у них был такой занятный случай... Когда они вокруг поселка возводили ограждение – а его с фасада строили на манер Кремлевской стены – с зубцами и башенками, к ним подходил какой-то непонятный мужик. На вид – лет пятидесяти, с бородой, жилистый такой, взгляд пронизывающий... Одет по-обычному. Поздоровался он с ними, посмотрел на их работу и сказал, что зря они на этом месте надумали строить жилье. Вроде того, что люди будут там не жить, а бедовать.

– Это что же, какой-нибудь местный колдун или знахарь? – поинтересовался Гуров.

– Чего не знаю, того не знаю... – сержант пожал плечами. – Так вот, этот их разговор услышал прораб. А ему-то неинтересно, чтобы кто-то делал новостройке такую «рекламу». Он

напер на мужика: проваливай давай отсюда. Тот молча ушел, ни слова не говоря. Вот поселок построили – его еще во время строительства для прикола называли «Приют бедняков», в коттеджи начали заселяться их хозяева. И что бы вы думали? Началась какая-то чертовщина. То один заболевает, то другой умрет. Тогда в центре Миллениума бегом, бегом построили церковь. Батюшка провел крестный ход, ну и после этого вроде бы все начало «устаканиваться». Такая вот история...

– Ну а про тамошних новоселов что ты там собирался рассказать? – напомнил Станислав. – Кстати, а почему поселок называли Миллениумом?

– Миллениумом? Так потому, что строить-то его начали в двухтысячном! – Володька изобразил иронично-многозначительную мину. – Видимо, решили закрепить в названии символизм момента. Вот... А напарником Василия Васильича работал бывший опер.

– Это с чего бы вдруг так? – Лев удивленно наморщил лоб. – Сам, что ль, подался в строители или его за что-то из органов турнули?

Посерьезнев, сержант утвердительно кивнул:

– Выгнали... Но не за что-то плохое. Нет! Как это частенько у нас бывает, за честность и принципиальность.

По словам Володьки, тот опер расследовал ДТП с человеческими жертвами – пьяный негодяй на «Лексусе» задавил женщину с ребенком прямо на пешеходном переходе. Опер вычислил в момент. Оказалось, это сынок одного очень большого «шишкаря». А гаишники, которым, судя по всему, хорошо «подмазали», к тому моменту уже состряпали протокол, будто погибшая виновата во всем сама.

Однако опер, которого зовут Евгений, что называется, уперся, отказался от предложенных ему денег и, как подобает, провел полное расследование. Он доказал вину того недоросля, и аварийщик получил срок. Правда, дали ему всего два года ИТК общего режима. Но и это тут же самым негативным образом сказалось на судьбе «излишне» принципиального опера. На него тут же посыпались всевозможные шишки – сорвалось присвоение очередного звания, началось лишение премий за каждую мелочь, пошли постоянные разносы, придирки...

Кончилось тем, что какая-то наемная шлюшка накатала на него «телегу», будто он пытался ее изнасиловать. Евгения сразу же, даже не проведя положенной служебной проверки, кинули в СИЗО. Началось следствие. Дело пахло реальным сроком, но, как видно, и у него где-то в верхах нашлись свои сторонники. Поэтому через несколько дней оперу предложили: или он увольняется по собственному, или садится по «грязной» статье. Понимая, что на него «наехали» структуры очень не слабые, он согласился уволиться...

– А когда это было? – Гуров вопросительно взглянул на сержанта.

– Да еще году в девяносто девятом. Я тогда еще только в пятый класс ходил, – хохотнул Володька.

Как далее он поведал, Миллениум начал заселяться «с колеса», еще когда только строился. Как-то Евгений вел кладку на пару с Васильичем, возводя очередной дворец, а в соседний, уже готовый дом в этот момент въезжали жильцы.

Лишь мельком взглянув на новосела, бывший опер схватился за голову. Он узнал в нем того самого мошенника, который во времена ваучерной приватизации облапошил сотни (если не тысячи!) человек, за фальшивые доллары скупая у них ваучеры, которые потом менял на акции «Росвязи». Как видно, жулик хорошо знал, что это ведомство – не какие-нибудь фальшивые «нефтьгазинвесты».

К концу девяностых ее бумаги в цене подпрыгнули столь высоко, что этот жулик в момент стал долларовым миллионером. Евгений за время своей работы его задерживал дважды. И за ваучеры – он тогда еще только начал работать после школы милиции, и в девяносто седьмом за махинации при обмене старых денег на новые. Но толку с этого было мало. По неведомым

причинам суды его оправдывали, что называется, «с порога». Как видно, у этого мошенника все и везде было куплено.

– Ну а что удивляться? Сказал же кто-то из классиков: в основе любого состояния лежит преступление... – философично изрек Крячко. – Ты, я так понял, с этим Евгением хорошо знаком?

– Ну, в общем-то, да, – сержант утвердительно кивнул. – Скажем так, по-родственному. Он зять Васильича. Его когда с работы выперли, жена сразу же к другому ушла. Вышла за торговаша, и они уехали в Финляндию. А Женька однажды шел вечером и увидел, как трое отморозков напали на девушку. Ну, он их в момент уделал, как щенков. Проводил ее до дому. А через месяц они поженились. Ну, вот, так он и стал у Васильича напарником.

– Его телефончик дай – вдруг он что-нибудь про этого Мартыняхина знает? – попросил Станислав.

– Не вопрос! – Володька двинул вверх левым плечом. – Кстати! Минут через пять подъезжаем к Пятницкому – тутошний райцентр. Заезжать будем?

– Да надо бы заехать... – лаконично определил Лев, взглянув на часы. – Пообщаемся с коллегами. Думаю, из Миллениума они уже должны бы вернуться. Знаешь, где тут райотдел?

– Честно говоря, не в курсе... – чуть смущенно признался сержант.

– Понятно... Значит, сейчас едем прямо, до городской площади, а там сразу направо, – глядя на приближающиеся пятиэтажки, пояснил Гуров.

Подпрыгнув на люке какой-то коммуникационной шахты, «Волга» побежала по городской улице с какой-то неуловимой печатью провинциальности.

Глава 2

Лев оказался прав. Опергруппа из «Приюта бедняков» уже вернулась. Опера передали прибывшим все наработанные ими бумаги – акт осмотра места происшествия, предварительное заключение судмедэксперта, протоколы допроса свидетелей и тому подобную канцеляристику. Внимательно просмотрев все эти материалы и, дополнительно к этому, дотошно порасспросив членов опергруппы, приятели были вынуждены сделать неутешительный вывод: стопроцентный «глухарь». Не случайно местные коллеги очень обрадовались, когда узнали, что это дело берет на себя Главк угрозыска.

Уточнив, в какой именно морг отправили умершего магната, Лев созвонился с судмедэкспертом Главка Дроздовым и поручил ему поработать с усопшим. Уточнив у коллег некоторые нюансы, касающиеся системы охраны Миллениума, внутреннего жизнеустройства поселка, статистики тамошних происшествий, опера отбыли в сторону «Приюта бедняков».

Минут через двадцать пути по лесистой территории, изобилующей сосновыми борами с рядами корабельных сосен, из которых в былые времена вытесывали мачты для парусных судов, они пересекли по вполне современному мосту извилистую речку и помчались по трассе, бегущей вдоль ее левого берега.

– Да, красивые тут места! – глядя из окна на прихотливые изгибы Вишневки с обширными затонами и лиманами, поросшими камышом, мечтательно отметил Крячко. – А рыбы-то тут, поди, полным-полно! Как-нибудь надо будет сюда наведаться с удочками и спиннингом. Как думаешь? – Он вопросительно взглянул на Гурова.

Тот в ответ лишь безнадежно махнул рукой, проворчав:

– Ага, порыбачишь с нашим Петром Николаевичем! Гарантия, что, как только закончим с Миллениумом, он тут же подкинет что-нибудь позанозистее, чтобы жизнь нам медом не казалась.

Стас на это недовольно поморщился.

– Сплюнь, а то и в самом деле запряжет! – сердито обронил он.

Оглянувшись, Лев рассмеялся.

– Плевать, насколько я помню, рекомендуется через левое плечо. А там ты сидишь, искуситель, ешкин кот... Так что давай уж обойдемся без этих знахарских прибабахов.

В этот момент, свернув влево, машина миновала очередную рожицу с дубами и березами, и опера увидели на пологом холме длинную зубчатую кирпичную стену с просторными воротами, оборудованными шлагбаумом. По краям ворот возвышались две островерхие декоративные башенки «а-ля Спасская». Из-за стены виднелись в окружении зелени крыши коттеджей разной этажности.

– Вот он, этот «миллиардерский рай», чем-то напоминающий или хронически осажденную крепость, или ИТК комфортабельного режима! – с нескрываемым сарказмом объявил Станислав. – Не-е, мужики, тут жить я не захотел бы. Ни за что! Гадючник, он и на миллиардерский лад – гадючник...

Они подъехали к воротам, и к ним тут же направились двое охранников «а-ля суперсекьюрити фром Голливуд» в черной форме, в кевларовых касках, в черных очках, с болтающимися на поясных ремнях резиновыми дубинками и пистолетами в кобуре. В киношной манере и даже с некоторым намеком на английский акцент «секьюрити» поинтересовались, кто и зачем прибыл в ЗТО (закрытый территориальный объект) Миллениум. Впрочем, предъявленные удостоверения сотрудников Главка угрозыска с парней спесь сразу же несколько сбили. Уже без «суперменских» интонаций они пояснили, куда именно надо проехать, чтобы найти дом Мартыняхина.

– Парни, а вы уверены, что человек, имеющий какие-то недобрые умыслы, попытается пробраться на территорию вашего ЗТО именно через эти ворота? Вы не допускаете, что ему куда проще перебраться через ограждение в каком-нибудь достаточно укромном месте? – выйдя из машины, поинтересовался Гуров.

Несколько опешив от его вопроса, парни поспешили заверить, что весь периметр поселка круглосуточно отслеживается камерами видеонаблюдения, на всем протяжении стены имеются датчики, улавливающие движение. Так что посторонним через стену не перебраться. Да и вдоль всех улиц есть камеры, работающие в круглосуточном режиме.

– Вот и отлично! – резюмировал Лев, окидывая взглядом открывающийся за воротами ландшафт поселка. – Мне нужны материалы видеоконтроля со всех улиц, прилегающих к дому Мартыняхина, за последние трое суток. Вот вам флеш-карта, поедem назад, будьте добры к этому времени подготовить!

«Волга» покатила вдоль роскошных вилл по просторной, с образцово-ровным асфальтом центральной «Пятой стрит» в сторону «Шестой авеню» (здесь даже улицы именовались на американский манер), где на их пересечении и обитал ныне усопший. Дом Мартыняхина выглядел не хуже, а в чем-то и круче соседских. В его архитектуре были смешаны псевдостарорусский стиль и ультрасовременный американистский хай-тек. Эдакая смесь княжеского терема с футуристическими постройками из голливудского фантастического боевика.

Охранник, с зевотцей прохаживавшийся во дворе вдоль роскошных кованых, с чернью и позолотой ворот, узнав о том, кто прибыл, скривил рот недоуменной подковой.

– Так опера сегодня к нам уже приезжали, – пробурчал он, доставая мини-рацию. – Джа-сто момент, господа!

«И этот туда же! Тоже косит под Голливуд!» – едва не рассмеявшись, мысленно отметил Гуров.

О чем-то переговорив со своими собеседниками, охранник вернулся к воротам и картинно развел руками.

– Госпожа Мартыняхина сказала, что ее и так уже очень утомили представители полиции, и поэтому она видеть больше никого не желает! – даже не сказал, а изрек он с оттенком некоторого высокомерия и затаенного злорадства.

На его лице прямо-таки было написано: «Ну что, съели? Вот не пушу вас сюда, и ничего вы мне не сделаете. Бу-у-у-у-у!»

Измерив его взглядом, Лев уведомил совершенно невозмутимым голосом, со сдержанно-сочувственной улыбкой:

– В таком случае мы сегодня же пришлем обитателям этого дома, включая прислугу, повестки, согласно которым вам всем придется прибыть в Главк для дачи показаний. А всякий, уклонившийся от сотрудничества с правоохранительными органами, автоматически будет восприниматься как потенциальный подозреваемый. Как вам это?

Подхватив его мысль, Станислав продолжил, сверля охранника свирепым взглядом голодного бенгальского тигра:

– А если наши повестки будут проигнорированы, в дело вступит группа захвата спецназначения. И в Главк вы поедете уже на нашем спецтранспорте, в наручниках. Кстати! Что-то мне твое лицо знакомо... Ты у нас ни по каким делам не проходил? Прямо, гляжу, манеры у тебя очень уж характерные... Ну-ка, ну-ка, колись, сколько и по какой статье мотал?

Скисший и позеленевший охранник нервно огрызнувшись: «С меня судимость уже снята!» – спешно схватился за рацию и, отойдя в сторону, вновь что-то начал бубнить в микрофон.

Менее чем через минуту он вернулся и с недовольно-брюзгливым видом открыл калитку.

– Госпожа Мартыняхина готова вас выслушать и ответить на ваши вопросы... – пробурчал охранник, отступая в сторону.

– Я так думаю, для беседы с хозяйкой будет достаточно одного Льва Ивановича, – похозяйски, уверенно шагнув во двор и оглядевшись по сторонам, объявил Крячко. – А мы сейчас побеседуем с господином секьюрити. Вы не против? – Он с вызовом окинул взглядом отчего-то поеживающегося охранника.

Через украшенный витражами и отделанный ценными породами дерева вестибюль Гуров вошел в богато обставленный холл первого этажа, где его встретила хорошенькая, смазливая горничная с показательно-невинным взглядом. Изобразив книксен, девушка пригласила его пройти следом за ней. Они поднялись по роскошной винтовой лестнице на второй этаж в гостиную с занавешенными черной тканью зеркалами.

В центре просторного помещения Лев увидел моложавую особу лет тридцати пяти в черном платье, с черной же вуалью на голове. Представившись как Антонина Яновна, хозяйка дома, поминутно морщась и сетуя на головную боль, предложила гостю присесть в большое кресло у столика с чашками горячего кофе, который, повинувшись взгляду хозяйки, принесла все та же сноровистая горничная.

В ходе разговора Лев расспросил свою собеседницу о многом из того, что осталось за рамками протокола, составленного районными операми. В частности, она подтвердила, что была второй по счету женой Мартыняхина (о чем Гуров догадался и сам, лишь взглянув на нее при знакомстве). Отвечая на вопросы гостя, хозяйка дома вполне откровенно рассказала об истории своего замужества. С Аркадием они познакомились десять лет назад на Рижском взморье. Антонина работала администратором гостиницы, куда он приехал с семьей отдохнуть.

Мартыняхин сразу же обратил на девушку самое пристальное внимание, и очень скоро у них завязался роман. Заподозрившая неладное жена начала слезку и однажды застала их вместе. И хотя в тот момент ничего особенного между ними не происходило, она устроила мужу громкий скандал. Аркадий тут же предложил ей развестись, пообещав хорошие отступные, на что та охотно согласилась. Там же, в Риге, Аркадий и Антонина стали мужем и женой. Сейчас у них двое детей, которые в данный момент отдыхают в специальном детском лагере для чад обеспеченных родителей.

На вопрос Льва о судьбе прежней семьи Мартыняхина Антонина мало что могла сообщить. Насколько ей было известно, первая жена Аркадия на свои отступные купила где-то на Калининской большой магазин верхней одежды. Недостатка в поклонниках она не испытывала и жила довольно-таки неплохо, можно даже сказать, на широкую ногу. Сын Мартыняхина окончил школу с английским уклоном и в настоящее время вроде бы учится в одном из британских университетов. С отцом он никогда не встречался, да и сам Аркадий таких попыток не предпринимал.

О своем муже как человеке Антонина рассказала немного. Но признала, что бабник он был «еще тот». Она сама лично уволила двух горничных, которых уличила в интимной связи с Аркадием. Но это было самое малое из того, что она могла сделать для пресечения измен супруга. Ей не раз докладывали, что Мартыняхин в своих магазинах всю пользовался их персоналом как бесплатными наложницами. Однако устраивать сцен ревности не стала, памятуя, с какой легкостью он развелся со своей первой женой.

– ...Надеюсь, эту откровенность вы не используете против меня же, заподозрив в мести за измены? – неожиданно спросила Антонина, окинув гостя изучающим взглядом. – Тем более что причины его смерти реально пока не установлены? Сама же я уверена в том, что они исключительно естественного свойства. Сколько можно кобелировать сутками напролет?! Да, я сейчас в трауре, в доме траур... Но скажу честно – как-то даже легче стало дышать. Поэтому, как видите, я далека от того, чтобы показухи ради раздирать в кровь лицо и истошно голосить по своему гулящему муженьку.

– Ну, в принципе чего-то «такого» о вас я и не подумал, – отпивая кофе, задумчиво обронил Гуров, – но тем не менее хотел бы спросить: кто, по вашему мнению, больше всего желал бы смерти Аркадия?

Издав язвительное «ха!», Антонина из стороны в сторону покачала головой.

– Да полным-полно таких! У Аркашки по Москве не менее десятка магазинов, причем достаточно больших, со штатом минимум в два десятка человек. Большая часть баб замужних. А он разницы не делал – замужем или не замужем. Любую, что приглянулась, хватал за руку и вел в подсобку. Воспротивилась? Пошла вон с работы! Но таких были единицы. Все остальные безропотно соглашались. Теперь представляете, сколько столичных рога носцев мечтает о том, чтобы без наркоза вырвать Аркашке его это самое «хозяйство»?

Кроме того, по ее словам, Мартыняхин очень жестко вел конкурентную борьбу. В этом он был изобретателен и непримирим. В той округе, где имелись его торговые предприятия, никаких других магазинов аналогичного профиля не оставалось. Одних он разорял и вынуждал уйти демпинговыми ценами, на других давил компроматом, а кого-то подставлял всевозможными хитрыми способами.

– ...Вы думаете, я собираюсь продолжать его дело? – Вдова оценивающе прищурилась. – Черта с два! Я же прекрасно представляю себе, с чем мне придется столкнуться. Мне будут мстить все те, об кого Аркашка вытер ноги. Как только пройдут положенные сроки и я вступлю в наследство, без промедления продам всю его сеть без остатка. Лучше вон куплю несколько бутиков, буду завозить хороший товар, например из Италии, и мне на жизнь хватит вполне.

По просьбе Гурова Антонина в деталях описала все, что в их доме происходило последние несколько дней, даже то, что подавали к столу, что конкретно из спиртного употреблял Мартыняхин, какие он мог принять лекарства, и тому подобные моменты.

В приватном разговоре с горничной, которая назвалась Соней, Лев уточнил некоторые особенности быта усопшего, его пристрастия и привычки с точки зрения прислуги. Девушка на все вопросы отвечала охотно, при этом неотрывно глядя на своего собеседника. По всей видимости, ей очень льстило общение с настоящим, «всамделишным» сыщиком, да еще в чине полковника. Впрочем, чего-то ценного в ее ответах было не слишком много. В основном она лишь подтвердила то, что Гуров уже услышал от Антонины.

Зато повариха Мария рассказала много интересного и значащего в плане расследования. Когда Гуров зашел на кухню, где у ультрасовременного кухонного комбайна орудовала крупнотелая особа лет сорока, с первого же взгляда он определил: типичная «бой-баба», что и коня на скаку, и в горящую избу... Как бы оправдывая первое впечатление своего нежданного гостя, хозяйка кухонных кастрюль уперла в бока руки, сжатые в кулаки, и без намека на церемонии сурово поинтересовалась:

– Э! А ты куда прешься?

Зато потом общение пошло «без сучка без задоринки». Мария, повествуя о покойном хозяине, сокрушенно констатировала:

– ...Да, кобелем был Аркашка конченным. И жлоб, и кобель... Для него самой большой обидой было то, когда у него требовали прибавки зарплаты. У-у-у... Аж из себя выходил от злости. Нет, так-то платил он неплохо. Я не жалею. Но девчонкам, которыми он пользовался как подстилками, за это не платил ни копейки. Считал, что они ему и так по гроб обязаны...

– А на вас он не покушался? – поинтересовался Лев в сочувственно-доверительном ключе.

В ответ на это его собеседница сердито рассмеялась, утвердительно качая головой.

– Было дело!.. Только я на него быстро управу нашла. Взяла вон ту сковороду и спросила: «Тебя, Аркаша, как? В лоб или по лбу?» Он сразу на попятный. Больше и не заикался. Пожрать он любил вкусно, а так, как я готовлю, у прежних кухарок не получалось. Так что со мной он считался. А с остальными... Даже и не разговаривал!

На вопрос Гурова, кто же, по ее мнению, мог бы иметь настроение расквитаться с Мартыняхиным, она, не задумываясь, ответила:

– Шурочкин Вольдемар, например... Ну-у, сын Аркашкин от первой жены. Характером весь в папу – отпетый бабник, жадный до денег и очень мстительный. Я с Шурочкой как-то случайно встретилась, она мне все плакалась по поводу своего Вольдемашки. Вроде и не дурак, но с его характером – жди беды. А он из Лондона этим летом приезжал на каникулы, грозился, что со своим папашей разберется «как положено». Вот, может, руку и приложил?

В общем русле разговора, отойдя от темы кончины Мартыняхина, Мария «выдала характеристики» и на его соседей.

– ...А что удивляться Аркашке? Он тут один, что ль, такой? У-у-у!.. Да тут, почитай, все с болячкой на полголовы. А то и на всю голову. Вот дом справа от нас. Там живет крупный заводчик, какой-то Радбиров. Так у него те же выкрутасы, что и у нашего. Для него в жизни главное то же самое – деньги, бабы и еще выпивка. Аркашка хоть и пил, но меру знал. А этот хлещет напрапалую. У Радбирова семь горничных. На каждый день недели отдельная. Ну, понятно, для чего они ему. У него семья, жена и трое пацанов. А ему это все до фонаря. Напьется, разгонит семью и прислугу, и давай по всем комнатам с горничной кувыркаться... Содом и Гоморра! Хотя бывает и похуже...

– Да куда уж хуже! – Лев сокрушенно отмахнулся.

– Быва-а-а-ет, Лев Иванович! Ой, бывает! – чуть склонившись в его сторону, приглушенным голосом заговорила повариха. – Дома через два от нас на соседней улице живет какой-то Басмач. Только я думаю, это не фамилия, а кличка уголовная. Мне говорили, что он Главарь кладбищенской мафии по всей этой округе. Живет один, без семьи. Прислуга – одни мужики. Говорят, уж очень всяких таких пухлявеньких он привечает. И очень ему нравится смотреть на видео с похоронами, когда хоронят молодых красивых девчонок, – аж млеет от удовольствия. Но еще больше он любит видео, где извращенцы развлекаются с телами умерших... Господи, прости! – Она размашисто перекрестилась.

Слушая ее, Гуров не мог внутренне не содрогнуться – и в самом деле, это выходило за грань не то что патологии души, а за грань того, где человеческой душе уже вообще нет места.

– Знаете, Лев Иванович, здесь само по себе место очень черное. Я не знаю, что тут могло быть раньше, но селиться тут нормальному человеку никак нельзя.

По ее словам, в доме Мартыняхиных она работает уже около двенадцати лет. И все эти годы, еженедельно, у себя дома она идет в местную церковь, где просит всех святых оградить ее от здешней дьявольщины. Только этим, по мнению Марии, она и спасается. Давно бы уже ушла в другое место, да учатся дети, денег на это требуется много.

– ...Мне бы еще пару лет продержаться. И – все! Сразу же уйду. Тонька, хозяйка, вон тоже подумывает о том, чтобы отсюда свалить. Она и детей-то тут старается держать поменьше. А знаете, что мне думается? Это все не случайно. Наверное САМ, – женщина указала взглядом куда-то вверх, – так решил, чтобы здесь, в черном месте, собрались все самые черные люди. Вы заметили? Здесь красиво, здесь порядок. А ощущение такое, будто ты не в поселке, где живут люди, а на кладбище!..

Припомнила Мария и один необычный случай, происшедший с Мартыняхиным. Было это около месяца назад. Она готовила обед, как вдруг к ней вбежала горничная Соня и сообщила, что с Аркадием творится что-то очень странное. Они поспешили наверх, и в гостиной повариха увидела хозяина дома, который, сидя в кресле и вперив в экран телевизора остеклевший взгляд, водил перед собой руками, издавая нескончаемое, бессмысленное: «Хи-хи-хи-хи-хи...» По телевизору в это время шла какая-то телепрограмма про моделирование ландшафтного дизайна.

Не страдая комплексом начальствопочитания и избытком сантиментов, Мария протестно хлопнула Мартыняхина по плечу и спросила, как бы между прочим:

– Аркаша, ты чего? Юмор по телику уже закончился!

Словно очнувшись от какого-то наваждения, тот некоторое время молча, с недоумением взирал на обеих женщин. Но потом, как видно, вспомнив, что с ним только что было, строго-настрого приказал об этом не рассказывать ни одной живой душе. Особенно Антонине. Мысленно проанализировав рассказанное, Гуров пришел к выводу, что это могло быть следствием действия какого-то препарата седативного или даже наркотического действия.

– Кстати, а каковы были взаимоотношения между Мартыняхиным и Соней? – поинтересовался он как бы между прочим. – Антонина сказала, что всех горничных, замеченных в интимных отношениях с ее мужем, она немедленно выгоняет. Соня, получается, не поддалась на его приставания?

В ответ его собеседница саркастически рассмеялась.

– Ну, вы шутник, Лев Иванович! Тоже мне скажете – «не поддалась»... Да она сама при первом удобном случае тащила его в спальню. О-о-о! Это такая штучка!.. Нет, нет, Сонечка не из скромняшек, она из зло... бучих. Вы же с ней уже беседовали? Ну и что, не обратили внимания, как она вас глазами раздевала? Это тот самый «тихий омут», где чертей больше, чем у нее волос на... Гм-гм! Голове. Вот и Тонька купилась на ее потупленные глазки и невинное личико. Ага! Невинное! Сонечка мне как-то даже похвасталась, что здесь по дому специально ходит без трусов и в мини-юбке. Ну, чтобы почаще перед хозяином «светиться». Я давно уже догадывалась, что эта нимфоманка планы строит наполеоновские. По моему разумению, она собиралась выпихнуть отсюда Тоньку и выскочить за Аркашку.

– Считаете, шансы у нее были? – Лев вопросительно прищурился.

– Еще какие! – Мария покачала головой. – Уж не знаю, где ее этому обучали, но когда Тоньки дома не было, она Аркашку ублажала так, что по всему дому разносились ее охи и его кряхтение. Она у нас здесь с начала весны. А где-то с середины лета между Тонькой и Аркашкой то и дело возникали стычки. Ну, мое-то дело сторона, поэтому на Соньку я стучать не стала, однако Тоньку предупредила: смотри, твой на тебя начал поглядывать что-то уж слишком косо. Как бы не указал на порог! Ну, она баба неглупая, тон сразу сбавила. Вроде в доме стало спокойнее... А тут – видишь, чего стряслось? Лег спать и не проснулся. О как бывает! Знаете, Лев Иванович, мне почему-то думается, что никто его не убивал. Сам он по жизни такой надорвался. Вот и все!

...В это же самое время Станислав Крячко проводил «задушевные беседы» с охранником, дворником-садовником и хозяйским шофером. Совсем недавно заносчивый и гоношистый охранник, назвавшийся Эдиком, в момент растеряв весь свой гонор, заговорил услужливо и даже с нотками подобострастия. Он признался, что и в самом деле отбывал срок за угон автомобиля. Но с тех пор ничего подобного с ним больше не повторялось.

По словам Эдика, охранником у Мартыняхина он работает уже пятый год. Дежурит сутки – через двое. Есть еще два охранника, но они сейчас на выходных. За все время работы в этом доме ему только раз пришлось применить силу – когда обкурившийся гашишем сын какого-то крупного столичного чинуши, проживающего на соседней улице, перелез к ним во двор через ограждение. Эдик его скрутил и передал прибежавшему родителю. Чей именно это был сын, Эдик уточнять не стал, сославшись на то, что напрочь забыл.

Вчерашним днем хозяин прибыл около семи вечера, когда уже смеркалось, учитывая сентябрьскую пору. Выглядел Мартыняхин оживленным, бодрым, шутил и смеялся. Ночь прошла без намека на какие-либо ЧП, а вот утром, когда уже взошло солнце, Эдик вдруг услышал сирену «Скорой». И лишь когда белый фургон с красными крестами остановился у их ворот, только тогда он узнал, что с хозяином произошло что-то серьезное. Ни о каких врагах и ком-то еще, кто хотел бы свести с Мартыняхиным счеты, он не слышал и не знает.

Поначалу не слишком много о хозяине рассказал и Егор – пятидесятивосьмилетний крепыш с модной (особенно в богемных кругах) недельной щетиной. Он совмещал работу двор-

ника и садовника. Свою работу выполнял (как он сам определил) «на ять», поэтому нагоняев от хозяина не получал. А нарываться на похвалы считал недостойным и пошлым. Жалованье ему выплачивал личный шофер Мартыняхина, который совмещал в себе и охранника, и кассира, и подручного хозяина на все случаи жизни. По мнению Егора, его самого хозяин словно даже не замечал – ни доброго, ни худого слова от него он ни разу не слышал. Мартыняхин никогда не отвечал на его приветствие, словно пред ним было пустое место.

– Ну а мне-то чего? Да и хрен бы с ним – не замечал, и ладно... – добродушно дымя старомодной «беломориной», резюмировал собеседник Станислава. – А кто там и чего в доме вытворяет – честное слово, никогда не интересовался... Мне – как? Платят, и хорош. Кто там... Некрасов, что ль? Сказал: минуй нас как беда лихая и барский гнев, и барская любовь. Как-то так... Но, согласитесь, здорово и правильно сказано!

И лишь в завершение разговора Егор по секрету рассказал-таки нечто стоящее. Он поведал про Игоря, шофера хозяина. По его словам, Игорь для Мартыняхина был не просто шофер, не просто исполнитель поручений, а во многом даже близкий приятель и, по сути, наперсник – хранитель его тайн, в том числе и не самых благовидных. Зарплату Игорь получал завидную. Правда, и его жизнь спокойной назвать было нельзя. В любое время дня и ночи он должен был пребывать в готовности «номер один».

Но для Игоря это особых проблем не составляло. Будучи холостым, он не имел необходимости заботиться о ком-то еще, кроме хозяина. На все рауты, тусовки и даже любовные свидания они ездили только вдвоем.

– А Мартыняхин... он не «того»? Ну, не какой-нибудь там «гомо» или «би»? – с сарказмом уточнил Крячко.

– Как говорится, за ноги не держал, не знаю... – Егор пыхнул папиросой и развел руками. – Может, и меж собой они перепихивались – это я не в курсе.

Осторожно поглядывая по сторонам, он особо подчеркнул, что по женщинам хозяин с шофером ездили только на пару. Как рассказывал Егору один из здешних охранников по имени Никита, который с Игорем состоит в приятельских отношениях, без Игоря Мартыняхин как будто даже боялся выезжать по своим объектам. Только с ним! В тот же «Золотой тюльпан», построенный лет пять назад в Осьминках.

По словам Никиты, в присутствии Игоря Аркадий вел себя подобно варвару-завоевателю, ворвавшемуся в побежденный город. Без намека на такт и какие-либо церемонии он хватал сразу двух-трех девчонок-продащиц и вел их в специально обустроенный в подсобке будуар. Там, на диване, он их столь же бесцеремонно и «оприходовал». Поскольку Мартыняхину было не двадцать два, а пятьдесят два и возможности для утех имелись не те, что в молодости, выдыхался он в момент. Однако затеянная им «веселуха» на этом не прекращалась.

– ...Ох и жадный он был на сластебу! – Егор сокрушенно покрутил головой. – Сам не может – вместо себя запускает Игорюху. Тот за него дорабатывает, а он пялится да слюни пускает... Ой, срамота! Скажу тебе, Васильич, так... Этот Миллениум, по моему понятию, – что-то вроде канализационного коллектора-накопителя, куда со всей округи сплывается всякое «добро». Вроде глянешь – люди тут как люди... А послушаешь про их дела, про их жизнь – за голову схватишься. Бордель настоящий...

Игоря Крячко нашел в просторном комфортабельном флигеле, пристроенном сбоку к коттеджу, где тот постоянно проживал. Войдя в небедно обставленное помещение, Стас увидел сидящего за столом нехилого парня лет двадцати восьми. Тот имел вполне приятные на вид черты лица (эдакий гибрид Тома Круза и Леонардо ди Каприо на рязанский фасон), которое уже несколько обрюзгло, скорее всего, от излишне разгульного житья. Перед Игорем на столе стояли откупоренная бутылка текилы и до половины опорожненный бокал.

Мельком взглянув на удостоверение гостя, Игорь кивком указал ему на стул напротив себя. Взяв в руки бутылку, он предложил чуть хрипловатым баритоном:

– Вам налить? Дружбана Аркашу поминаю. Хороший был мужик, земля ему пухом...

Пояснив, что он на службе и употреблять спиртное никак не может, Станислав добавил:

– ... Вот о Мартыняхине я и хотел бы с тобой поговорить. Меня интересует его вчерашний день – куда вы с ним ездили, с кем встречались, были ли с кем-то у него конфликты или нет, и так далее.

Отставив бутылку, Игорь пьяно усмехнулся и с ноткой высокомерия уведомил:

– Я ничего не помню!

– Да-а? – Крячко произнес это жестко и категорично. – А если мы найдем, чем и как «освежить» твою память? Например, задержим по подозрению в групповом изнасиловании, совершенном с особой дерзостью и цинизмом? А?

Трезвея на глазах, шофер даже отшатнулся назад, недоуменно таращась на этого, невесть откуда взявшегося сурового опера.

– Ка... Какое изнасилование?! – возмущенно выпалил Игорь. – Это что за бред?!

Сочувственно улыбнувшись, Стас негромко произнес:

– А ваш недавний визит в «Золотой тюльпан» ты не забыл? Чем вы там в будуаре занимались на пару с «хорошим мужиком» Мартыньихиным?

– Ха! – Даже несколько подпрыгнув на стуле, шофер язвительно ухмыльнулся. – Ерунду-то не надо городить! Да, в «Золотом тюльпане» мы с Аркашей отодрали трех телок. Но там все было по доброму согласию – физической силы никто не применял. Девки отдавались добровольно!

Теперь уже Крячко, издав столь же язвительное «ха!», вкрадчиво поинтересовался:

– Может, ты еще хочешь сказать, что девчонки сами вас домогались? Да? А ты не боишься, что кто-то из них возьмет да и напишет заявление о том, что бенефициар данного торгового предприятия, пользуясь своими властными полномочиями, под угрозой увольнения, принудил потерпевшую к вступлению в интимную связь с собой и своим персональным водителем? Причем в присутствии посторонних лиц, что значительно усугубило ее и без того тяжелую моральную травму. А? Аркаши-то уже нет, бояться-то им уже нечего. А отквитаться кому-то наверняка захочется... Случись такое – я тебе не завидую. Таких красавчиков на зоне оо-чень любят. Ах, ты владеешь тхэквондо? Ничего, на зоне на всякое тхэ найдется своя монтировка.

В комнате повисло тяжелое молчание. Толчком отодвинув бокал с текилой, шофер почти с ненавистью взглянул на безжалостного гостя и зло поинтересовался:

– Чего вы хотите?

– Того, о чем уже сказал: мне нужна вся полнота информации о последних днях жизни гражданина Мартыньихина. Что тут непонятного?

– Хорошо... – сникнув, Игорь понуро кивнул. – Мне изложить устно или письменно?

– Лучше, конечно, письменно, – Стас одобрительно улыбнулся. – Бумага, авторучка есть? Вот и отлично! Садимся и пишем сочинение: «Как я провел последнюю неделю». Чем больше подробностей, чем больше имен и фактов – тем лучше. Ты уж постарайся написать на «отлично». Двойка – сам понимаешь – оценка очень нежелательная. Вперед!

Кривясь и морщась, шофер достал из ящика стола пачку принтерной бумаги и, взяв авторучку, начал быстро выводить строчки несколько корявым, но вполне различимым почерком. Когда Игорь уже ставил под своей писаниной дату и подпись, к ним вошел Лев Гуров.

– Ну, как у нас тут дела? – спросил он, глядя на исписанные листы бумаги.

– Дела у нас идут – лучше не придумаешь! – пробегая глазами по «сочинению» Игоря, откликнулся Крячко. – Игорь, вот тут у тебя написано: «С четырнадцати до пятнадцати часов были в ломбарде «Лондонский туман», проверяли наличие товаров и качество работы продавцов». Там что, обошлось без интима? Ах, с инти-и-мом... Понятно... Ну так и надо было написать! Что ж поскромничал-то? Скольких там «осчастливили»? Двух? Ну-ну... В общем,

Игорь, так! Сейчас мы берем с тебя подписку о невыезде, и ты из этого «аула» – никуда, ни ногой. Сиди и думай о вечном. Заодно молись, чтобы в органы не поступили заявления – будь то из «Золотого тюльпана», или «Лондонского тумана», или откуда-то еще.

...Когда свою работу опера сочли достаточно завершённой, они вышли на улицу, миновав кислотовато заулыбавшегося им вслед Эдуарда. Сев в машину, Станислав передернул плечами.

– Ф-фу-у! Ну, твою дивизию! Эх, и образцы ж тут собрались! Приеду домой – сразу в душ. Поверишь ли, как будто в кучу свиного навоза окунули. Нет, парни, я не святой. Спору нет! Я... Ммм... Не монах! Но уж такие, как этот Мартыняхин... Эти уж – и вовсе что-то аномальное. Что ни говори, но вел он себя, блин, не как мужик, а как какой-нибудь там макак на случке... Примитивная животиная, у которой ни эмоций, ни чувств человеческих. Просто: потоптал – и попрыгал дальше. Все! Это что за общение с женщиной? Амеба двуногая, у которой ноль мозгов и всего одна извилина пониже спины. Тьфу!

Слушая эмоциональный монолог приятеля, Гуров с трудом сдерживал улыбку – во трактует! Прямо Спиноза с детективным уклоном. А Крячко, не на шутку расхордившись, продолжал философствовать:

– ...Вот почему на зоне принято «опускать» насильников? Да потому, что даже уголовники в основной своей массе понимают: женщину нельзя превращать в вещь, нельзя ее унижать и втоптывать в грязь. Падение Рима с чего началось? Я про это недавно в одном журнале прочитал. А с того, что рабовладельцы стали бесчинствовать с принадлежащими им рабынями. Но за это Риму пришлось заплатить тем, что в конце концов в грязи оказались и римские матроны. И пришел ему полный кирдык! А почему, Володь, как думаешь?

– Станислав Васильевич, вы так интересно рассказываете! Я бы так не сумел. Поэтому вас просто слушаю... – подруливая к воротам, откликнулся тот.

– Ммм!.. Интересно, говоришь? – переспросил Станислав. – Ну-ну... Так вот! Защитить свою страну могут только настоящие мужики. А настоящими мужиков делают достойные женщины. Но там, где женщин уронили, настоящих мужиков не найдешь днем с огнем!

– Полностью с вами согласен! – Выехав за проходную и остановившись на обочине, сержант энергично дернул вверх рычаг стояночного тормоза.

Гуров, зайдя в дежурку, взял у охранников флеш-карту с записанными на нее материалами видеосъемки. Они снова помчались по дороге в сторону лиственной рощи, из-за которой вверх возносился столб густого черного дыма. Было похоже на то, что горел какой-то мусор, наподобие кучи старых автопокрышек.

– Что-то мне это не нравится, – негромко обронил Лев, взглядываясь в тянущееся к небу облако черной гари. – Как бы не ДТП произошло на трассе над речкой...

И он оказался абсолютно прав. Когда они, промчавшись по дороге через рощу, свернули вправо и оказались над берегом Вишневки, в паре сотен метров от себя сразу же увидели перегородивший дорогу полыхающий бензовоз и две легковушки, лежавшие вверх колесами у самого обрыва над урезом воды. И с той, и с другой стороны трассы уже успело накопиться по несколько машин, водители которых, как видно, не знали, где бы и как бы им объехать это чадное пожарище. С разных сторон от горящего бензовоза небольшими группками стояли люди, как видно, обсуждая происходящее.

Подъехав поближе, опера вышли из «Волги» и подошли к ближайшим от них автомобилям. Возмущаясь «раздолбайством всяких козлов тупорылых», очевидцы рассказали, что виновником ДТП был хозяин «Форда Мондео», которого занесло на «встречку», где он и столкнулся с автоцистерной. От удара бензовоз развернуло поперек, и он тут же загорелся. Вполне возможно, у него имелись технические проблемы, из-за чего содержимое емкости в момент удара выплеснулось наружу и от искры воспламенилось.

Сам «Форд» отбросило назад, и он столкнулся с летевшей следом за ним «Ауди». Обе «иностранки», кувыркнувшись через хлипенькое ограждение, покатались вниз по склону. Их

водители и пассажиры остались живы, но некоторые получили серьезные ушибы и даже переломы. На попутных их уже отправили в Пятницкое. Водитель автоцистерны, по сути, не пострадал, отделавшись расквашенным носом. Он всего за пару мгновений до вспышки выскочил из кабины и отбежал на безопасное расстояние. Если бы эвакуироваться не успел, то сгорел бы заживо. Пожарную вызвали, но она еще не подъехала, хотя, как им гарантировали, где-то уже в пути.

– Ну, и что теперь будем делать? – Стас вопросительно взглянул на Гурова.

Тот задумчиво качнул головой.

– Надо или ждать пожарку, или объехать по другой дороге через Трубное... Володя, ты как думаешь? – спросил он подошедшего к ним сержанта.

– Да, давайте поедem по объездной... – предложил тот, окинув взглядом трассу. – А то, чего доброго, пожарка где-нибудь вдруг ненароком застрянет, и будем ее не знаю сколько ждать.

– Все, тогда едем! – решительно объявил Лев, направляясь к машине.

Володька развернулся, и они помчались в обратном направлении. Когда роща осталась позади и впереди снова показался Миллениум, сержант свернул вправо, на примыкавшую к трассе, еще старую дорогу с растресканным асфальтом. По извилистому проселку они помчались через лесистые пустоши, то взлетая на холмы, то ныряя в тенистые недра соснового бора. Через четверть часа с вершины очередного холма они увидели раскинувшееся у речки живописное, но уже отчасти урбанизированное село – помимо деревенских особняков, на фоне леса высился целый квартал пятиэтажек.

– Вот оно, надо думать, Трубное! – объявил Володька. – Точно! Вон указатель – «Трубное».

Глядя на сельские дома, Крячко непонятно чему вздохнул, а на его лице появилась ностальгическая улыбка... Поймав вопросительный взгляд Гурова, он с грустинкой пояснил:

– Дома тут прямо как в Васильевке, где жил мой дед, Ефим Никанорович. Какой же у него был бесподобный яблоневый сад! Как вспомнишь – ммм!.. – он со значением причмокнул и мечтательно прикрыл глаза.

Слушая его, Лев понимающе улыбнулся – в его памяти тоже остался яблоневый сад из далекого детства...

Глава 3

Через пару минут «Волга» катила через село, которое и в самом деле было богато на необычные, «креативные» дымовые трубы. Стас только успевал комментировать здешние диковины:

– ... Не, ну ты глянь! У этих – как будто самовар стоит на крыше! А вон, вон у тех – как будто крепостная башня...

Больше всего его восхитила труба в форме высокого пня, который обвила кобра, искусно сработанная из серебристой оцинкованной жести.

Уже на выезде из Трубногo, заметив в торце крайней пятиэтажки продуктовый магазин, опера решили завернуть туда и купить себе чего-нибудь съестного. Ассортимент здесь, конечно, оказался не самый богатый, но выбор все же имелся. Вновь вырuling на трассу и усердно уминая копченую колбасу, опера увидели у автобусной остановки молодую женщину в черной траурной косынке.

– Опаньки! – недоуменно хмыкнул Крячко, воззрившись в ее сторону. – И эта в трауре! Уж не по Мартыняхину ли печаль? Надо бы узнать. Володя, притормози! Вас подвезти? – спросил он, опустив стекло задней дверцы.

– А сколько вам за это платить? – немного растерялась та.

– Да ничего не надо! – Станислав изобразил, насколько это позволяла кабина, широкий, великодушный жест. – Просто видим – вы в трауре, надо как-то поддержать человека... Мы через Пятницкое в Москву. А вам куда?

– А мне только до Угомоновки, это прямо перед Пятницким, – садясь в машину, женщина грустно улыбнулась.

– Станислав! – с ходу представился Крячко, на что попутчица сообщила, что ее зовут Вероникой.

На правах соседа по заднему дивану салона Стас тут же доверительно спросил:

– Вероника, простите за назойливость, но у вас здесь, в Трубногo, кто-то умер?

– Нет, я еду из Лешакина, – поправляя косынку, пояснила попутчица. – Там сорок дней было брату двоюродному. Я оттуда с деверем до Трубногo доехала – он тут живет, а у него машина что-то греться начала. Ну, я и пошла на остановку...

– А с братом-то что случилось? – продолжал свои расспросы Станислав.

– Да история какая-то странная с ним приключилась. И страшная тоже... – Вероника знобко передернула плечами. – В начале августа он пошел в лес, вроде бы по грибы, и не вернулся. Нашли его уже на другой день, с перекушенным горлом. Он и в гробу лежал с таким страшным лицом, перекошенным от ужаса, что людям не по себе становилось... Даже не представляю, что с ним могло случиться? Старики говорят, что в округе оборотень-волкулак завелся.

– А сами-то вы в это верите? – оглянувшись, спросил Гуров.

– Да как сказать? – На лице попутчицы отразилась гримаса горечи. – Так-то – не верю, а когда приехала на похороны и глянула на Витальку – мороз по спине пробежал. Подумалось: что же он такое мог увидеть?! Парень-то он был крепкий, не робкого десятка. Такого просто так не испугать.

– Ну, надо же – волки! – Потерев ладонью подбородок, Крячко крутнул головой. – Волки, если только в Подмосковье они вообще водятся, на людей сейчас нападать вряд ли стали бы. Это зимой они голодные и агрессивные. Может, напала одичавшая собака бойцовских пород? Это куда более вероятно. А он, Виталий, по жизни-то чем занимался? Где-то работал, учился?

Сопровождая свое повествование безрадостными вздохами, Вероника рассказала, что ее брат был отличным сварщиком, работал где-то в Москве. Но месяца два назад его и всю их

бригаду здорово «кинули», не выплатив обещанных денег, объяснив это банкротством строительной компании из-за западных санкций. И тогда Виталий связался с каким-то «мутным типом», который рыскал по Подмосковию с металлоискателем, что-то разыскивая на территориях заброшенных поселений. Скорее всего, это был так называемый «черный археолог», занимавшийся поиском старинных кладов. Сколь успешно поработал с ним Виталий, как зовут и где можно найти того кладоискателя, женщина не знала.

– Может быть, они богатый клад нашли и не поделили, а тот кладоискатель его убил и имитировал укусы хищника? – предположил Крячко.

– Я и сама об этом думала, – с хмурой озабоченностью на лице Вероника часто-часто покачала головой. – Но вся-то штука в том, что когда брата нашли, тамошний, лешакинский охотник рядом с ним заметил следы лап, скорее всего, крупного волка. Никаких следов драки на том месте не было, Виталькина одежда была цела, на лице ни синяков, ни ссадин... Да и тот кладокопатель тоже куда-то бесследно исчез. Как Витальки не стало, так и он словно сквозь землю провалился! То, бывало, по руинам поместья Замолотского целыми днями шастал. А как с братом это все случилось – все, больше там и не появлялся. Может, и его тем же днем не стало?

Выслушав это повествование, Станислав недоуменно «хекнул».

– Прямо хоть снимай очередную серию «Собаки Баскервилей»! – резюмировал он и тут же спросил: – Вероника, а что это за руины поместья... Как его там? Замолотского, что ль? Где они и что собой представляют?

– Ну, это там, в Лешакине, минутах в пятнадцати ходьбы от деревни, в чащобе у лесного озера когда-то было имение графа Замолотского, – начала рассказывать та с некоторой как будто даже неохотой.

Как сама она много раз слышала от своей лешакинской родни, те места исстари считались, говоря современным языком, аномальными. Собственно, именно поэтому столь необычно называлось это село. По старому преданию, первые его поселенцы купили право жить на этом месте у самого лешего, отдав ему пригоршню серебра. Хотя краеведы вполне обоснованно утверждали, что никакого лешего там и в помине не было, а верховодил в тех лесах разбойник по кличке Леший. И откупились от него не только серебром, но и самой красивой девушкой, которую он пожелал взять в жены.

– ...Это, конечно, больше походит на правду, – улыбнувшись, отметила Вероника. – В Пятницком до сих пор живут три семьи с фамилией Лешакины. И, что интересно, все такие крупные, все такие буйные. Чуть где драка – Лешакины обязательно там. Разбойничья порода – она и через триста лет себя даст знать.

Ну а о самом графе Замолотском, по ее словам, в тамошних окрестных селах и поныне «знает каждая собака». Сама Вероника еще в детстве и юности, не раз приезжая в Лешакино в гости, чего только не слышала про таинственного и страшного графа!

Местные старожилы рассказывали, что тот по ночам занимался колдовством, вызывая к себе всевозможную нечисть. Однажды к графу приехал сын одного местного купца и попросился к нему в ученики. Тот охотно согласился и предложил разделить с ним трапезу. Стол Замолотского ломился от всяческих яств. Но перед тем как приступить к еде, граф взял из рук своего единственного слуги (все прочие разбежались еще в год отмены крепостного права) золотую чашу с каким-то напитком и сделал из нее несколько глотков. Затем протянул ее гостю. Приняв из рук Замолотского, молодой купчик заглянул в чашу, и по его спине пробежал мороз: вместо вина в ней колыхалась свежая, еще отдающая парком непонятно чья кровь, на поверхности которой плавал клочок человеческих волос.

С диким воплем выронив чашу, гость графа выскочил на улицу и, запрыгнув в пролетку, голосом, преисполненным ужаса, истошно заорал кучеру:

– Гони!!

Домой он вернулся уже будучи в горячечном бреду, после чего долго болел. Когда же злосчастный купеческий отпрыск наконец-то поднялся с постели, то обнаружилось, что его рассудок серьезно повредился и своему отцу он уже не помощник. Дни молодого купца закончились в монастырском доме призрения душевнобольных.

– Прямо Дракула какой-то, тем более что тоже – граф! – зорко следя за дорогой, рассмеялся Володька.

– Старики рассказывали, что при графе ночами, во время полнолуния, над Лешакином летал огромный черный ворон, который заглядывал в окна домов. И не дай бог, если кто-то с ним встретится взглядом. К следующему полнолунию тот человек обязательно умирал, – при этих словах Вероника сокрушенно вздохнула. – В Лешакине и поныне непослушных детей пугают графом. Если кто капризничает и спать не ложится, предупреждают: смотри, придет граф – заберет в свои подземелья. И – все, делается как шелковый!..

– А что, где-то там есть подземелья? – снова оглянулся Гуров.

– Да, говорили, что их вырыли еще во времена старого графа. Он для этого откуда-то привез иноземных мастеров, двадцать или тридцать человек, скорее всего поляков – говорили они как-то так: «бже», «пше»... Они года три копались под землей и уносили туда неведомо сколько кирпичика для обкладки ходов. Люди говорят, что его лабиринты по всей округе тянутся. В них он и спрятал свои сокровища, вроде бы возов десять золота и всяких украшений. Ходили слухи, что граф во время войны с Наполеоном – он там командовал драгунским полком – нашел его обоз и забрал себе.

Как дальше повела рассказчица, когда иноземцы работу закончили, граф с ними щедро расплатился и в честь завершения работ устроил богатый пир. Никто даже не догадался, что яства и вина были отравлены. Под утро граф вместе со своим самым верным слугой перетаскал трупы в разные концы подземелья, где они их и захоронили.

– Занятно! Уж не из этого ли клада вынырнула та золотая ложечка? – Взглянув на Льва, Крячко вопросительно мотнул головой.

– Да-а... Вопрос, конечно, интересный... – согласился тот. – Если и подземелья, и сокровища существуют на самом деле, то – очень даже может быть. Скажите, Вероника, но если всем известно и про клад, и про подземелья, неужели их никто не пытался найти?

Женщина собралась было ответить, но в этот момент раздался голос сержанта:

– Лев Иванович, указатель на Угомоновку! Вон дорога, которая уходит вправо. До села три километра. Какие будут распоряжения?

Взглянув на часы, Гуров распорядился:

– Едем к Угомоновке, доставим нашу пассажирку прямо до места назначения. Но только ты давай не гони – у меня к Веронике есть еще несколько вопросов. Вы не слишком спешите? Честно говоря, слушать вас не надоедает – очень образно и интересно рассказываете.

Смущенно порозовев, женщина скромно улыбнулась.

– Ну, наверное, потому, что в школе преподаю литературу. А если вам и в самом деле интересно, то – хорошо, расскажу все, что знаю. Да, про подземелья и сокровища здесь знают все. Но не всякий рискнул бы их искать.

По мнению Вероники, в пределах руин графского дворца мало кто из лешакинских рискнул бы копаться даже днем, не говоря уже ночью. Да и из других мест всяких сорвиголов приезжало не слишком-то много. Ну а те, кто рискнул заняться поисками и раскопками, почему-то очень скоро к этому остывали и давали деру уже на второй или третий день. Вот кладокопатель Макс – тот долго там лазил. Но говорили, что у него есть какой-то очень сильный оберег, отгоняющий любую нечисть. Хотя, если судить по тому, что он бесследно исчез, и оберег ему не помог.

Был случай, сразу после войны местные мальчишки как-то заспорили, кто из них самый смелый. Один из пацанов стащил у отца привезенный тем с фронта трофейный бинокль и

объявил, что тот, кто вечерней порой сходит к руинам и пробудет там не меньше часа, получит эту вещь в качестве приза. Дядя Вероники, которому в ту пору было лет четырнадцать, решил сходить.

Как рассказывали потом его компаньоны, соискатель бинокля не пробыл у руин и пяти минут. Бледный и трясущийся, он вылетел из чащобы, как камень из пращи, и, не задерживаясь, промчался мимо них к деревне. Все прочие ринулись следом за ним. В суматохе зачинщик похода к руинам потерял бинокль, который потом найти уже не удалось. Все тут же решили, что бинокль забрал себе граф.

– Но он же к той поре, я так понял, давно был уже мертв? – уточнил Станислав.

– Конечно! – Рассказчица тихо рассмеялась. – Он умер летом восемнадцатого года, когда началась Гражданская война.

И именно в ту пору, по словам Вероники, граф встретился со своим сыном. Случилось это так. Июльским днем в дом графа Замолотского пришли пятеро чекистов. Все, как и положено, в кожанках, с «маузером» на поясе. Все – пламенные революционеры, все – атеисты, все – классово непримиримые борцы с аристократией. Пройдя по пустому дворцу, где к той поре уже не осталось ни души, кроме самого хозяина, в тот момент лежавшего на смертном одре, чекисты вошли к нему в спальню. Но едва они собрались задать ему дежурные вопросы о наличии оружия и драгоценностей, столь необходимых для победы мировой революции, как произошло нечто невероятное.

Внезапно человек-полутруп, с трудом повернув в их сторону землисто-зеленоватое лицо, как-то необычно выпучил глаза и издал непонятный, шипящий звук. В тот же миг ноги всех пятерых визитеров словно одеревенели и приросли к полу. Одеревенели и руки, и даже их языки словно приросли к небу. После этого граф, приподняв руку, пальцем поманил к себе одного из чекистов. Тот, с трудом переставляя ноги, приблизился к умирающему.

Старик жестом приказал молодому мужчине склониться над собой и что-то шепотом сказал ему на ухо. Потом достал из-под подушки кривой восточный кинжал с какими-то странными письменами, выгравированными на лезвии, и полоснул себя по правой ладони. Тут же на постель потекла струйка крови. Вслед за этим, взяв правую руку чекиста, старик проделал с ней то же самое. А затем сжал в рукопожатии своей порезанной рукой разрезанную руку гостя. В тот же миг где-то в отдалении послышалось что-то вроде грома, от которого дрогнула земля. Умирающий, торжествуя улыбнувшись, почти сразу же замер, остекленело глядя в пустоту.

Тут же, выйдя из своего непонятного оцепенения, к усопшему подбежали чекисты, на ходу доставая «маузеры». Но граф был – что не нуждалось в уточнениях докторов – бесспорно, мертв. Старший группы потребовал от своего младшего коллеги отчета – что ему сказал и для чего себе и ему резал ладони умирающий старик. Молодой чекист показал свою ладонь, и все увидели, что на ней нет ни царапинки, тогда как на иссохшей ладони старика глубокий разрез был виден довольно-таки явственно. Поскольку в ту пору уже знали, что такое гипноз, старший группы объяснил случившееся гипнотическим воздействием со стороны умирающего.

Молодой чекист рассказал, что граф сообщил ему две невероятные новости. Первая: спрятанные сокровища найдут очень не скоро, и то не все. А те люди, что их найдут, об этом очень сильно пожалеют. Вторая: граф сказал чекисту, что он его сын.

– Это каким же боком тот чекист ему сын? – недоуменно хохотнул Крячко.

Вероника пояснила, что, по рассказам стариков, задолго до тех событий Замолотский-младший, которому перевалило за пятьдесят, уболтал какую-то молодую, бездомную дуреху, уговорив ее стать его горничной. Но проработала она в доме графа всего недели две. Как только настало полнолуние, граф в полночь вломился в ее комнату и учинил над ней зверское, садистское насилие. Насмерть напуганная женщина в чем была, в том и бежала из страшного дома. Куда она делась и что с ней стало – никто не знал. И вот – такая невероятная встреча...

– А у него что, официальных наследников не было? – спросил Лев, глядя на приближающуюся Угомоновку.

– Говорили, что нет. Замолотский женился трижды, но всякий раз, едва забеременев, его жены умирали. Видимо, само небо, – Вероника взглядом указала вверх, – не пожелало, чтобы граф-чернокнижник оставил потомка.

– Но выходит, если судить по этой истории, сделать это ему все же удалось... Стоит понимать так, что старик перед смертью передал сыну свою колдовскую силу. Ну, колдун же обязательно должен это сделать – только тогда может умереть? – Стас взглянул на Веронику. – В народе об этом же так говорят? А вот непонятно, с чего это вдруг раздался гром в момент передачи колдовской силы? По-моему, это уже перебор по части сочинительства легенд. Думаю, выдумка стопроцентная.

– Нет, не выдумка. Так совпало, что именно в тот момент в соседней деревне Ежовке по решению местного комбеда и организации «Воинствующих безбожников» взорвали старинную церковь. Вот вам и гром. Вот вам и землетрясение... Здесь, пожалуйста, остановите! – Женщина указала на полукруглый павильон автобусной остановки у начала сельской улицы. – До дома везти необязательно. А то муж может неправильно понять.

Поблагодарив и попрощавшись, Вероника вышла из «Волги» и зашагала в глубь поселка. Глядя ей вслед, Крячко помотал головой и тягостно вздохнул.

– Ну-у, мужики, наслушались страшилок! Чую, мне сегодня точно этот хренов граф приносится... – объявил он, передернув плечами. – Кто бы мог подумать, что тут такие кошмарчики творились? Впечатлений, блин, на год вперед хватит.

Слушая его, Гуров со скептической миной несогласно покачал головой.

– Какая тут мистика? Все вполне объяснимо, все вполне рационально. Не стоит воспринимать чисто декоративный антураж за нечто реальное. Мало ли что мы слышим про всяких там ведунов и колдунов? Помнишь случай, когда ограбили «ясновидящую» и она прибежала к нам с плачем, дескать, оскудела аж на три «лимона»! Я ее еще тогда спросил: не может ли она подсказать нам хотя бы направление, куда могли скрыться налетчики? И как она выкрутилась? А их, говорит, прикрывает очень сильный маг, дескать, поэтому мой «третий глаз» их не ощущает. Зато кое-что другое она ощущала более чем охотно. Не припомнишь, Станислав Васильевич? А?

Не ожидавший подобного пассажа, Крячко нервно закашлялся и часто-часто помахал рукой, как бы желая сказать: помню, помню, только зачем об этом напоминать здесь и сейчас?

...Он, конечно же, помнил свою поездку к ясновидящей Дарри (по паспорту – Фекле Перепенчиковой), «астральному корректору судеб», которая свою собственную судьбу почему-то как положено откорректировать не сумела, одиноко обитая в роскошной квартире. Осмотрев место происшествия, Стас (не без подсказок Дарри) предположил, что грабители и этой ночью к ней наведуются обязательно. А поэтому остался до утра в засаде. Та «ночная засада» в его памяти навсегда осталась как неординарное и упоительное «мужское приключение».

Когда наутро, мучимый бессонницей и остатками приятной истомы, он появился в Главке, то с досадой узнал, что грабителей именно этой ночью задержал Гуров. Случилось так, что поздним вечером Льву позвонил Амбар и сообщил, что в разговоре двоих его «гостей» промелькнула тема грабежа «всяких там фуфлогонов-шарлатанов». И персонально упоминался «маг вуду» – осевший в Москве гражданин то ли Сенегала, то ли Конго, некий Мупу Бу Агагу. Через информационщиков срочно установив адрес этого «мага» Мупу, Гуров захватил с собой пару дюжих стажеров и на своем «Пежо» спешно примчался на улицу старинного стихотворца Державина, где в ультрасовременном «хоуме» обитал сын Африки, тороватый на вуду-чудеса.

Позвонив в его квартиру и услышав:

– Кътье тьям? – под саркастический смех стажеров Лев суховато уведомил:

– Полиция! Или ваши персональные духи вам ничего не подсказывают, кто именно к вам пришел?

Донельзя растерянный «чудотворец», открыв дверь и бестолково таращась в его служебное удостоверение, только и смог пролепетать:

– Оля, сютта, к мой ходь!

В прихожую тут же вышла пухлая, как пышка, рыжеватая особа, за которой бежал светло-черненький мальчик (что-то среднее между непроницаемо-черным папой и бело-румяной мамой). Заглянув в удостоверение, хозяйка квартиры поинтересовалась причинами визита сотрудников уголовного розыска. Новость о том, что к ним в ближайшее время должны нагрянуть грабители, ее испугала не на шутку. Вопросительно взглянув на мужа, она просительно предложила:

– Мупу, быстренько наколдуешь? Ну вот, а дома, что, не можешь?

Замявшийся «маг» тут же начал уверять жену в том, что сейчас «нье польньелюние», которое было три дня назад, а без «польньелюния» его колдовство не работает.

– Что вы говорите? – переспросил Гуров, припомнив вчерашнюю криминальную сводку по городу. – Магическая защита в «Купеческом вкладе»? А-а-а, так это ваш Мупу ее там поставил? Ну-ну! Тогда все понятно... Позавчера его ограбили. Так что лучше надеяться на замки, а не на африканскую магию.

Измерив скисшего мужа сердитым взглядом, женщина взяла мальчика за руку и ушла с ним в дальнюю комнату. Должным образом проинструктировав сконфуженного вуду-колдуна, опера затаились в просторной прихожей. Ждать пришлось не слишком долго. Полчаса спустя в дверь раздался звонок и зычный голос объявил:

– Полиция! Немедленно откройте дверь!

Мупу, испуганно взглянув на оперов, неохотно повернул запорную головку замка и тут же кувыркнулся назад, получив мощный удар в челюсть. Бедолага негр, имея габариты Тайсона, не смог устоять перед квадратным крепышом в сером камуфляже и маске. Впрочем, не меньший шок пережили и незваные визитеры, когда раздалось суровое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.